

Вестник и дэимон
в образной системе Даниила Андреева

© Е. Н. РАТНИКОВА

В статье рассматриваются значения терминов «вестник» и «дэимон» в контексте творчества Даниила Андреева.

Ключевые слова: творчество Даниила Андреева, русская религиозная философия, Серебряный век, теория искусства.

Творчество Даниила Андреева можно (и, думается, нужно) рассматривать как художественное описание подготовки человека к духовно насыщенной жизни, так называемому «расширению сознания» (термин С.Я. Грофа) и дальнейшему восприятию мира как величайшего проявления Божественной сущности. Поэтому мир в представлении поэта четко выстроен – и иерархически в прямом значении этого слова, и «по горизонтали»: все расположено на своих местах, и каждое существо на свете имеет свое призвание, пусть даже маленькое и на первый взгляд незначительное, исполнение которого приводит не только его, но и весь мир к благу. Призвание обязывает к ответственности за свои поступки и честной работе в меру своих сил. Отсюда вытекает и идея всеобщего спасения всех живых существ, даже демонов, после того, как созидательные творческие миссии каждого из них будут до конца выполнены.

Особое призвание в земной жизни, как считает поэт, поручено человеку искусства, так как именно он при помощи художественных образов

дает творческий и мыслительный импульс другим, и от того, каков будет этот импульс, зависит многое в судьбе как самого творца, так и воспринимющих искусство. Поэтому художник обладает не только даром творчества, но и огромной ответственностью, которую постоянно должен ощущать во избежание трагических ошибок на своем пути. Особой степенью ответственности и творческой честности обладает категория художников, которую поэт определяет словом «вестники». Попробуем определить, что поэт имеет в виду под словом «вестник».

В «Розе Мира» вестник – художник в широком смысле слова, который через образы искусства дает другим почувствовать «высшую правду и свет, льющиеся из иных миров» [1. Т. 3. С. 332]. Он ни в коем случае не пророк, ибо действует только через искусство; также он не обязательно должен быть художественно гениален, так как его миссия среди людей – правдивая весть, а не художественное изящество и новизна. Основной признак вестничества у художников, по словам Андреева, – «чувство, что ими и через них говорит некая высшая, чем они сами, и вне их пребывающая инстанция» [Там же. С. 333]. Это чувство, говорит поэт, верное: вестник, в том случае, если его задачей является светлая весть (а бывает и темная), вдохновляем даймоном – существом, одной из многочисленных задач которого является «вдохновляющее, творчески направляющее воздействие на творцов нашей культуры. Отнюдь не поэтическим приемом, а свидетельством о подлинных трансфизических фактах являются обращения многих поэтов к их вдохновителям-даймонам, других – к их музам» [1. Т. 3. С. 131].

Что именно имеется здесь в виду под словом «даймон»? Античный литературный образ даймона, доброго или злого древнего божества, встречавшегося под разными именами во многих культурах, часто односторонне рассматривается исследователями античной философии как прообраз совести. Он восходит к некоторым диалогам Платона, где Сократ говорит о даймоне или даймонионе, руководящем некоторыми его поступками. Часто употребляет это слово и Платон, уже совершенно самостоятельно.

Римским синонимом термина «даймон» является в такой же степени известное современному человеку понятие «гений» (с латинского *genius* – «дух», тоже добрый или злой). Функции этого божества, в том случае, когда оно доброе, наиболее кратко и подробно описаны в диалоге «Пир» устами мантинейки Диотимы. По ее словам, задача гениев, полубогов-полулюдей, заключается в том, чтобы «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие пророчества, жреческое искусство и вообще всё, что

относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству» [2]. Гений внутренне сопряжен с душой человека и делает для него примерно то же, что в более поздней христианской традиции «ангел-хранитель».

Что касается русской поэзии XIX века, чаще всего слово «гений» в это время обнаруживается в стихотворениях о любви и о творчестве, в основном – при обращении к прекрасной женщине (возможно – дань антропоморфности гения и возможному слиянию в сознании поэтов его образа с образами муз-вдохновительниц). Но встречается она и при описании некоего сверхъестественного начала, далеко не всегда вдохновляющего. В культуре по-прежнему сильна память о том, что гении, как духи, по своей сути бывают и злыми. Например, в пушкинском «Демоне» некое сверхъестественное существо названо «злым гением», в стихотворении Батюшкова «Мой гений» гением является «память сердца», а Кюхельбекер в стихотворении «К Музе» прямо называет ее Гением.

А теперь вернемся к тому, как описывает гения-даймона Даниил Андреев. Во-первых, он воспринимает его вполне в русле традиционной культуры: у даймона много задач, *одной из которых является побуждение людей к творчеству*. Во-вторых, образ божества в его представлении тоже традиционно антропоморфен: «Даймоны – это крылатые люди, схожие своим обликом отчасти с ангелами, от которых, однако, их отличает, кроме многого другого, наличие двух полов... Не знаю, существовали ли в затомисе Олимпе девять сестер Аполлона – весьма возможно и это, – но то, что даймоны женственной природы, музы, или мужественной природы – сократовские даймоны в узком смысле этого слова – способствовали раскрытию творческих глубин в личности наших художников и мыслителей, не подлежит никакому сомнению» [1. Т. 3. С. 131].

Недаром некоторые исследователи называют Андреева преемником XIX века: к концу первой четверти XX века первоначальное значение слова *гений* ушло на второй, если не на третий план. Связь слова *гениальность* с личной одаренностью с этого времени наиболее прочно устанавливается в русском языке, несмотря на попытки некоторых художников вернуться к изначальному значению термина. Этот процесс легко проследить даже по словарям: если в словаре Даля «незримый, бесплотный дух, добрый или злой; дух-покровитель человека, добрый и злой» [3] является первым значением слова *гений*, то в словаре Ожегова, вышедшем впервые в 1949 году, мы видим, что гений – это «высшая творческая способность», затем «человек, обладающий такой способностью», и только в третьем значении – «дух – покровитель человека в древнеримской мифологии» [4]. Та же история, только еще запутаннее, произошла и со словом *демон*. Словарь Даля определяет его как «зло-

го духа, дьявола, сатану» [3]. Затем в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона подробно описывается происхождение и изменение функций демонов в античной философии и мифологии. Но в словаре Ожегова демон снова – однозначно «злой дух, дьявол» [4].

Важно, что даймонов темной природы («темных гениев») в описании Андреева не существует, есть только даймоны «низшей расы», «кажется, ... когда-то в древности сорвавшиеся с пути, утратившие крылья» и видимые некоторым художникам как метапрообразы героев их произведений. Именно поэтому «вдохновителями» темных вестников могут быть не даймоны, а только существа низшего мира, чья энергия направлена на разрушение, а не на созидание.

Но иногда, кстати, слово «гений» поэт на первый взгляд истолковывает и в том смысле, в котором мы уже привыкли его понимать в рамках культуры XX века: человек, наделенный сверхъестественно большими *личными* способностями в какой-то сфере деятельности. Но это только на первый взгляд: конечно, пишет поэт, к современному гениальному человеку не приходит дьямон-гений, внушая ему художественные прозрения, но и тут его творчество *не является его личной заслугой* – каждый получает свой дар от тех высших или низших сил, которыми он был призван к жизни. При этом часто бывает, что цель гениальности или таланта заключается в самих себе: «Талант и даже гений обладают не миссией, а долженствованием, подобно всякому человеку, но ряд глубоко индивидуальных особенностей отличает это долженствование от остальных... они могут быть совершенно свободны от задания – возвещать и показывать сквозь магический кристалл искусства высшую реальность... Не снимаются с них лишь требования этики общечеловеческой да условие: не закапывать свой дар в землю и не употреблять его во зло, то есть не растлевать духа» [1. Т. 3. С. 335].

А вот размышления Андреева о вестниках (не о вдохновляющем их начале) опирается именно на концепцию призвания художника, разработанную теоретиками Серебряного века. Вячеслав Иванов утверждает: «Вызвать непосредственное постижение сокровенной жизни сущего, снимающим все пелены изображением явного таинства этой жизни – такую задачу ставит себе только реалистический символист, видящий глубочайшую истинную реальность вещей» [5. С. 88]. «Боги вдохновляют вестника их откровений людям; люди передают через него свои “молитвы” богам; “сладкие звуки” – язык поэзии – “язык богов”... Поэт – всегда религиозен, потому что – всегда поэт», – пишет он в «Заветах символизма» [Там же. С. 99].

По Андрееву, именно как вестники, несущие определенную миссию, проявили себя многие великие с точки зрения истории люди. К темным вестникам Даниил Андреев относит таких творцов науки и философии, как Бэкон, Штирнер, Конт, Ницше, Маркс и некоторых других, иска-

живших своим творчеством или научными достижениями идеал высоко- нравственного, духовно развитого человека.

В свою очередь, вестниками светлыми он называет многих других деятелей совершенно разных культур, в основном – писателей и поэтов. В российской культуре это в первую очередь: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев, Вл. Соловьев и Блок. Творцов-вестников, пишет поэт, в века развития русской литературы было гораздо больше, но вот почему именно этим он уделил отдельные фрагменты своего трактата: «Рамки моей основной темы побуждают меня отложить изложение мыслей о Тютчеве, Лескове и Чехове на неопределенный срок, об Алексее Толстом – до специальной о нем статьи...» [1. Т. 3. С. 371]. Тема эта – в основном – возведение вестниками литературы «на высоту духовной водительницы общества, учительницы жизни, указательницы идеалов и возвестительницы миров духовного света», а также создание ими галереи женских образов – выразителей Вечно-Женственного духовного идеала [Там же. С. 355].

После своей земной кончины вестники продолжают заниматься творчеством в других мирах; также они способны при некоторых обстоятельствах являться людям в нашем мире, опять-таки, не всем. Некоторые из «великих братьев из Синклита России» (то есть из числа просветленных человеческих душ, обитающих на вершине российской метакультуры) посещали Даниила Андреева, как он утверждает, в моменты «расширения сознания», трансфизических прозрений в тюрьме. Голоса их, слышимые поэтом, «но не физическим слухом», были важным источником практически всех его поздних произведений: «Беседы заключались... в вопросах и ответах, в целых фразах, выражавших весьма сложные идеи. Такие фразы, не расчлняясь на слова, как бы вспыхивали, отпечатываясь на сером листе моего сознания, и озаряли необычайным светом то темное для меня и неясное, чего касался мой вопрос. Скорее даже это были не фразы, а чистые мысли, передававшиеся мне непосредственно, помимо слов» [1. Т. 3. С. 62]. Не в «Розе Мира» («не смею назвать и имена их»), но в записи тюремного дневника от 7 февраля 1954 года, не предназначавшегося к печати, в минуту отчаяния Андреев обращается к увиденным им поименно: «Великие братья – Михаил, Николай и Федор, откройте мне духовный слух! Если правдой были слова, что “дверь не закрыта, а только прикрыта”: отчего же третий месяц очи не отверзаются? Великий брат Владимир, родной брат Александр, явитесь душе, дайте знак, дайте хоть какой-нибудь знак!» [1. Т. 4. С. 14]. Соответственно, имеются в виду Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Вл. Соловьев и Блок.

Некоторые исследователи, особенно настаивающие на том, что «Роза Мира», как и все творчество Андреева, является художественным вымыслом, указывают на то, что произведения именно этих авторов поэт любил в разные периоды жизни больше всего, следовательно, только

поэтому он сделал их своими проводниками в трансфизических путешествиях. Об этом сказано в «Железной мистерии» Андреева от лица даймона, отвечающего на недоуменный вопрос героя, почему ему доступно видеть только души тех великих людей, которыми он восхищался ранее: «Ты различил только тех, чей прям / Путь был рядом с тобою» [1. Т. 2. С. 165]. Любимые поэты и писатели – те, чье мировоззрение в той или иной степени совпадает с нашим собственным; те творцы, на которых нам хотелось бы стать похожими или, напротив, взяв за основу принципы их поэтики, сделать что-нибудь оригинальное.

Называл ли сам поэт себя вестником? Его лирический герой, несомненно, обладает способностью «прозревать иные миры». Однажды, в «Русских богах», об этом говорится напрямую, и в этом случае в тексте возникает слово «вестник» («Я вестник другого дня»), в других произведениях мы читаем о вестничестве «между строк», среди рассуждений автора, подобных этому: «Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановлю ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности – идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах» [1. Т. 3. С. 8]. Как сказал один из самых авторитетных исследователей творчества Даниила Андреева, Б.Н. Романов, «понятие вестничества, раскрываемое в “Розе Мира”, образ вестника в “Железной мистерии”, образ поэта, встающий из “Русских богов” и других циклов, вместе дают живое и объемное представление о поэте-вестнике» [5].

Литература

1. Андреев Д.Л. Собр. соч. В 4 кн. М., 2006. Далее указ. том и стр.
2. Платон. Пир. [Электронный ресурс] URL: lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt (дата обращения: 7.11.14)
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 6-е, стереотип. М., 1964.
5. Литературные манифесты: От символизма до «Октября». М., 2001.
6. Романов Б.Н. Путешествие с Даниилом Андреевым: Книга о поэте-вестнике. М., 2006. С. 282–283.

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН*